

Всё зависит только от нас



...Мы взлетели по крутой лестнице, я и небольшого роста лысоватый человек в кожаной куртке, легкомысленных джинсах и ковбойке; ворвались в дверь с надписью «Режиссер», сели, и народный артист РСФСР Лев Константинович Дуров, режиссер и актер Московского драматического театра на Малой Бронной (почти сто ролей в театре, столько же в кино), вопросительно посмотрел на меня. Задаю для затравки вопрос по «профилю»:

— Скажите, пожалуйста, Лев Константинович, кто был вашим первым учителем в театре?

— Совершенно уникальный человек, Сергей Владимирович Серпинский, тогда он руководил детской студией в Бауманском Доме пионеров Москвы. В студии у нас собрались очень раз-

ные ребята, причем отнюдь не из, так сказать, рафинированных семей. А он с нами возился, прививал любовь к природе, к искусству, ездил с нами в подмосковные музеи — словом, выбивал из нас, что называется, жлобство. Он-то первый и поверил в меня, в то, что стану артистом. И я действительно поступил в театральное училище — школу-студию МХАТ. Признаюсь честно: в средней школе я учился плохо. Но вот парадокс: в студии стал отличником, получал именные стипендии, а когда закончил, Олег Николаевич Ефремов, у нас преподававший, сагитировал меня пойти в Центральный детский театр. Проработал там десять лет и не жалею об этом: это была настоящая театральная школа. Я переиграл такой репертуар, которым наверняка не может похвастать ни один артист в мире! У какого актера есть афиша, где написано: Молодой огурец — Лев Дуров?!

Я, бывает, думаю: ведь актер и учитель по природе, по адресу своей работы — родня, и делают они в сущности одно дело — лепят личность. У каждого свой инструмент, но законы естества незыблемы: только личность может создать другую личность. Кем же должен быть сам скульптор, какими ресурсами ума и души должно ему располагать, чтобы, числясь в интеллигентном сословии по диплому, быть интеллигентом истинным по мысли и духу? Подсказываю вам следующий вопрос.

— Спасибо. Как вы считаете, трудно ли быть интеллигентным

человеком? И возможно ли им быть каждому?

— Определить, что есть интеллигент, — очень непросто. Ведь это не только и даже не столько происхождение, воспитание, характер, образование, наконец... Кто-то считает интеллигентом человека в очках с узким от природы лицом, то есть в понимании своем исходит от внешности; для другого — олицетворение интеллигентности в кожаном пиджаке, ну и так далее. А вот кого бы вы, скажем, из классиков называли интеллигентом?

— Очевидно, Чехова.

— Вот видите, и я бы его назвал. Видимо, потому, что Чехов для нас — олицетворение какой-то гармонии человеческой. Высокая духовность и тонкая душа, удивительная деликатность и чуткость, мягкость и одновременно жесткость, даже порой — жестокость, но — в отношении жестокости. Самый страшный, по моему, рассказ, который мы в школе автоматически зазубриваем, не вникая в смысл, — «Ванька». Ребенка забивают в чужой семье, и он пишет письмо дедушке, которое никогда тот не получит...

Возможно ли быть интеллигентом каждому? Нужно ли это? Что вы предпочитаете: чтобы вас окружали люди, умеющие утешать вашу боль; способные открыто сказать правду, даже если это сулит им одни неприятности; готовые отдать последнее другому, когда тому это нужнее. Или — гребущие только под себя, хапающие все подряд, подбострастные с одними в нуж-

ной ситуации и обливающие их же грязью, когда ситуация изменилась? Ведь бывает — человек красиво и много рассуждает, а на поверку — там такая пустота, такая труха...

И еще. Без образования, без культуры, постоянного вбирания, что ли, в себя духовного наследия быть интеллигентом невозможно. Шукшин по происхождению интеллигентом не был, и не было у него этих «изящных» манер и лоска, но по взглядам, по мыслям — а я с ним stalkивался и разговаривал — это был по истине интеллигентный человек. Он понимал, что не сможет стать в чем-то другим, лучше, если не наверстает упущенного, того, что не смог получить в детстве, ранней юности.

— Что вас, Лев Константинович, в нашей сегодняшней жизни более всего тревожит и задает? Есть такие вещи?

— Есть. Как это ни парадоксально, происходит такая штука: чем лучше начинают жить люди — чем благополучнее, скажем так, — тем больше появляется разобщенности, порождается равнодушия. Вот посмотрите, какая жуткая, страшная, экстремальная вещь — война. Но какую сплоченность людей она породила, как люди прижимались друг к другу! Вы сейчас часто ходите в гости? И у меня не получается...

Ситуация: на улице лежит человек. Он пьян? А может, ему плохо? Люди проходят мимо: то ли боятся испачкать дубленку, то ли не хотят ввязываться в историю...

Смотрю: у молодежи какой-то острый конфликт на улице. Ну, подойди, разряди обстановку юмором или авторитетом возраста: ведь это же горячие головы — неосторожно брошенное слово — и удар, преступление!

Надо вообще, я думаю, чаще меняться с кем-то местами. Ведь сразу вмещаешься в ссору молодежи, если на минуту станешь отцом одного из них! А тот, лежащий на земле? Да, это горе его семьи, горе всей нации (сегодня, к счастью, такую картину увидишь все реже — непримиримую борьбу с пьянством вполне разделяю). Но если это твой брат?! Неужели не подойдешь?

Это один из самых страшных сейчас грехов — равнодушие. Что его порождает? Где истоки? Думаю, что один из них — ложь, фальшь, неискренность. Бывает, что молодежи равнодушным голосом и словом толкуют, предположим, что-то одно, а в жизни она видит совсем другое. Как же не взяться тут равнодушию, доходящему до цинизма? На определенную часть молодежи какие-то наши неверные шаги влияют. Но жить-то надо веря в торжество справедливости, доказывать, делать что-то, а не пассивно смотреть, ни в чем не участвуя... Тот же Шукшин: пришел полуграмотным парнем из сибирской деревни. Очень хотелось, и он стал писателем, артистом, режиссером. Стал гражданином и деятелем! Нашла свое продолжение великая формула «...гражданином быть обязан». Если ты творец —

не быть гражданином не можешь, ибо гражданственность есть нравственность и совесть в действии. Высота сознания и смелость поступка, нерасторжимые в своем единстве!

— С чем же идет на сцену или ставит спектакль, с чем выходит к людям сам Дуров, есть ли у него та «генеральная дума», без которой, по мысли Твардовского, не может быть поэт?

— Я бы даже, простите, немного поправил Твардовского: у каждого художника есть своя дума. Во всяком случае, должна быть у каждого, иначе можно носить звание врача и не быть врачом, зваться писателем и не быть им, учителем — только слыть!

Моя тема родилась под влиянием Чаплина и Михаила Чехова. Вот нам в школе часто говорят: маленький чеховский человек, маленький герой Гоголя... Вы чувствуете, как противоположно словосочетание «человек» и «маленький»? Как это возможно? Что такое маленький человек? Какой-то униженный, забытый, придавленный? Но ведь сам-то он не хочет быть таким! Значит, обстоятельства, жизнь, кто-то — хочет заставить его быть таким? Нет, «маленький» — определение, по моему, антигуманное, и я всегда на него злился, потому что оно как бы утверждало, что это нормально! А это ненормально...

Мне пришлось играть так называемых маленьких людей, и постоянно я вытаскивал одну и ту же тему: протест маленького человека против самого по-

нятия «маленький человек». Да, именно об этом моя дума: высота человека и сражение за нее! Мы часто произносим слово «душа». Оно как бы олицетворяет наше постоянное стремление к познанию друг друга, природы к познанию своего предназначения на земле. А в чем оно? Человечество мучительно ищет ответ на этот вопрос, и каждый человек отдельно озабочен и же. И готового ответа нет, постому что каждый отвечает на него сообразуясь с собственным представлениями о жизни...

— Чем же театр мог бы помочь нашему взаимопознанию? Велика ли тут его роль?

— Я не согласен с выражением: театр учит. Учит школа, учит институт, жизнь, наконец! Театр будит эмоции! В нашей молниеносной жизни, в суете и текучке мы часто вынуждены сдерживать себя, и не всегда наши эмоции находят выход — некогда... Кстати, не потому ли мы все чаще повторяем слова — равнодушные, бездушные. А в театре люди и плачут с наслаждением, не стесняясь друг друга, и хохочут взахлеб, на весь зал. Почему? Нужно порадоваться чужой радости, погоревать о чужом горе. Нужно открыть душу навстречу эмоциям. Но при единственном условии: если искусство — настоящее. Если спектакль художествен, тогда он и гражданствен, тогда появляется мысль. А если нет — говори любящие лозунги, любящие великие истины — все равно никто не ощутит волнения.

Беседовал
И. ХАЗАНОВ.